

СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ЦИНСКОЙ МОНАРХИИ И ЕЕ ПАДЕНИЕ В 1911–1912 ГГ.

Султонова Гулхайхон
магистрант II го курса
по специальности история
Андижанский государственный университет
Республика Узбекистан

Аннотация. Статья посвящена анализу причин и факторов, приведших к системному кризису Цинской монархии и её падению в 1911–1912 гг. Рассматриваются внутренние противоречия династии Цин, центробежные тенденции в политической и бюрократической структуре, влияние западной цивилизации и социально-экономических преобразований на традиционную систему управления. Особое внимание уделяется роли радикально-националистов, либеральных конституционалистов и военной бюрократии в формировании единого антицинского фронта, а также личности Юань Шикай и Сунь Ятсена в контексте событий Синьхайской революции. Подчеркивается, что падение монархии стало результатом сочетания внутренних структурных проблем и внешних вызовов, приведших к трансформации Китая в республиканскую форму правления.

Ключевые слова: Цинская династия, Синьхайская революция, Юань Шикай, Сунь Ятсен, монархия, кризис, Китай, политическая трансформация, западное влияние.

SYSTEMIC CRISIS OF THE QING MONARCHY AND ITS COLLAPSE IN 1911–1912

Sultonova Gulkhayokhon
Master's Student, 2nd Year
Specialty: History
Andijan State University
Republic of Uzbekistan

Abstract. The article analyzes the causes and factors that led to the systemic crisis of

the Qing monarchy and its collapse in 1911–1912. It examines the internal contradictions of the Qing dynasty, centrifugal tendencies within the political and bureaucratic structure, and the influence of Western civilization and socio-economic transformations on the traditional governance system. Special attention is paid to the role of radical nationalists, liberal constitutionalists, and the military bureaucracy in forming a unified anti-Qing front, as well as to the roles of Yuan Shikai and Sun Yat-sen in the context of the Xinhai Revolution. It is emphasized that the fall of the monarchy was the result of a combination of internal structural problems and external challenges, leading to the transformation of China into a republican form of government.

Keywords: Qing dynasty, Xinhai Revolution, Yuan Shikai, Sun Yat-sen, monarchy, crisis, China, political transformation, Western influence.

Значительное место в развитии китайской государственности занимает длительная история китайских монархических структур, насчитывающих более 2300 лет, которые дожили до начала XX века и существовали, возможно, дольше, чем любая из известных мировых монархий. Эта история отличается сложностью, противоречивостью и многоликостью, наполнена войнами и завоеваниями, а также многомиллионными жертвами. На протяжении веков китайские империи доминировали в Восточно-Азиатском регионе, распространяя влияние китайской цивилизации на соседние страны.

Китайские монархи, рассматривавшие свои империи как «центр вселенной», взаимодействовали с многочисленными «варварскими» племенами и народами, которые иногда возводили на китайский трон своих представителей. При этом как монголы (империя Юань), так и маньчжуры (империя Цин), а также покоренные ими китайцы четко различали «собственно Китай» и «варварские» территории, не входившие в него [2, с. 17–18].

Особо примечателен тезис Сунь Ятсена, высказанный в «Декларации Объединенного союза» накануне Синьхайской революции: «Те, кого мы ныне называем маньчжурами, восходят к восточным варварским племенам... Воспользовавшись смутами в Китае, они вторглись в его пределы, уничтожили наше китайское государство, захватили власть и вынудили нас, ханьцев, стать их рабами... Китай должен быть государством китайцев, и управлять им должны китайцы...» [9, с. 104].

Китай никогда не боялся внешних завоевателей, считая возможным ассимилировать их в своей культуре, но неизменно опасался внутренних смут.

Когда такие кризисы возникали, смена «мандата Неба» приводила к возведению на трон новой династии.

Длительное существование монархического режима в Китае объясняется, по мнению исследователей, конфуцианско-традиционистскими основами, заложенными в идеологический фундамент китайской монархии. Эти основы стали своеобразной «идеологической скрепой», обеспечивавшей стабильность режима без кардинальных изменений его структур [7]. Династийные кризисы обычно завершались лишь появлением нового «правильного» монарха. Иными словами, центробежные процессы периодически сменялись центростремительными, «хаос» переходил в «порядок», однако системных преобразований монархической системы не происходило.

На протяжении столетий социальный опыт монархического правления способствовал формированию устойчивых цивилизационных стереотипов и поведенческих основ китайского общества. К числу таких основ следует отнести ранжирование норм поведения в соответствии с конфуцианскими принципами, формирование специфических форм социального контроля, ограничение прав личности в интересах общины (государства), а также трудолюбие и законопослушание китайцев [7].

Особое значение при изучении истории китайских монархических режимов имеет укрепление государственного начала и целенаправленное выстраивание вертикали власти в политике, экономике и идеологии. Традиция авторитарного и автократического управления огромным населением была глубоко укоренена в китайской культуре. Такая система управления осуществлялась через трансляцию властных установок, реализуемую разветвлённым и строго структурированным чиновничим аппаратом, который играл ключевую роль во взаимодействии центра и периферии, между императором и подданными, а также между властью и оппозицией [7].

Закрытость Китая была нарушена вторжением Запада, что ознаменовало начало взаимодействия двух разнородных цивилизаций — китайской, конфуцианско-традиционистской, и западной, оформленной в капиталистические модернизаторские формы. Западное вмешательство означало насилиственное включение Китая в мировой социально-экономический и культурологический процесс, своеобразную форму глобализации, реализовавшуюся через колониальные и полуколониальные захваты [5; 6]. Сохранить линию автономного развития Китай не смог. Запад навязывал стране более динамичную, современную (по европейским меркам) модель развития, которую

Китай был вынужден адаптировать в рамках собственных традиционалистских концепций.

Возник сложный процесс взаимодействия традиционно-китайских и западных начал, проявлявшийся не только в противостоянии, но и во взаимопроникновении принципов западного техницизма и китайской конфуцианской духовности, рациональности и иррациональности, равенства и иерархичности, революционности и эволюционности (стремления к консенсусу) [5; 6].

Этот процесс затронул и монархический режим в Китае, который в конечном итоге был ликвидирован в 1912 году. Разрушение режима произошло в результате внутренних процессов политической жизни страны, однако нельзя отрицать существенное влияние Запада на это ключевое событие китайской истории. Мир древних традиций рушился под напором века перемен. С середины XIX века Цинская империя оказалась как бы в двух измерениях — традиционном и западном, капиталистическом. К началу XX века противостояние этих начал обострилось, и традиционная синоцентристическая система, основанная на восприятии Китая как центра Вселенной, потерпела крах под давлением западных держав [5; 6].

Вместе с тем на протяжении столетий социальный опыт монархического правления стимулировал формирование устойчивых цивилизационных стереотипов и поведенческих основ китайского общества. К ним следует отнести ранжирование норм поведения в соответствии с конфуцианскими принципами, формирование специфических форм социального поведенческого контроля, нивелирование прав личности по отношению к интересам общности (государства), а также трудолюбие и законопослушание китайцев.

Важным моментом, который необходимо подчеркнуть при изучении истории китайских монархических режимов, является укрепление государственного начала и целенаправленное выстраивание вертикали власти в политике, экономике и идеологии. Тенденция авторитарного, авторократического управления огромным людским массивом была заложена в китайской традиции. Такое управление осуществлялось посредством трансляции властных установок через разветвленный и тщательно отфильтрованный чиновничий бюрократический аппарат, игравший огромную роль во взаимодействии центра и периферии, между императором и его подданными, а также между властью и оппозицией.

Китайскую замкнутость нарушило вторжение Запада, обозначившее начало

взаимодействия двух разнородных цивилизаций — китайской, конфуцианско-традиционистской, и западной, оформленной в капиталистические модернизаторские одежды. Вторжение Запада означало насильственное включение Китая в мировой социально-экономический и культурологический процесс — своего рода глобализацию, осуществлявшуюся в форме колониальных и полуколониальных захватов. Сохранить линию своего автономного развития Китаю не удалось. Запад навязывал Китаю новую, более динамичную, современную (с точки зрения европейцев) модель развития, которую он был вынужден мучительно принимать, перерабатывая в духе своих традиционистских концепций. Начался сложный процесс взаимодействия традиционно-китайских и западных начал, выражавшийся, в частности, не только в противостоянии, но и во взаимодействии принципов западного техницизма и китайской конфуцианской духовности, западной рациональности и китайской иррациональности, равенства и иерархичности, революционности и эволюционности (стремления к консенсусу) и т. д.

Этот процесс затронул и развитие монархического режима в Китае, который, в конце концов, был ликвидирован в 1912 г. Естественно, он рухнул в результате внутренних процессов политической жизни страны, но отрицать значительное влияние Запада на это крупное событие китайской истории было бы неправильно. Мир древних традиций рушился под напором века перемен. Дело в том, что с середины XIX в. Цинская империя оказалась как бы в двух измерениях — традиционном и западном, капиталистическом. Причем противостояние этих двух начал к началу XX в. чрезвычайно обострилось — традиционная синоцентрическая система, то есть восприятие Китая как центра Вселенной, вследствие столкновения империи Цин с западными державами потерпела крах.

Синьхайская революция стала неизбежной в связи с кризисом цинского монархического режима и развитием центробежных тенденций в политической жизни страны. Создание весной 1911 года Кабинета министров усилило конфликт Цинов с провинциальной бюрократией, которая оказалась фактически на стороне созревшей антиправительственной оппозиции. Оппозиция активизировала народные выступления, попытки радикалов-революционеров свергнуть монархию и провозгласить республику, а также действия либеральных шэньши-конституционалистов, стремившихся установить конституционно-монархический режим [10].

В 1901–1910 гг. стихийные и разрозненные выступления крестьян и городского

населения, равно как локальные восстания тайных обществ, не представляли прямой угрозы династии Цин и не перерастали в общекитайскую крестьянскую войну, аналогичную предыдущим династийным свержениям. Однако появился новый противник — радикалы-националисты, призывавшие к антицинскому «топору» (партия Сунь Ятсена) и ставившие целью насильственное свержение маньчжурской династии и восстановление китайской власти в рамках республиканского режима. Характерно, что китайские революционеры пытались сочетать западную идеологию с китайским традиционализмом, адаптируя новые идеи к национальному контексту. Сунь Ятсен считал себя учеником Конфуция и вождя тайпинов Хун Сюцюаня. В его концепциях проявлялся приоритет интересов государства и постепенность преобразований с сохранением авторитарных элементов управления [3; 6].

Хотя роль радикалов (Сунь Ятсена и его сторонников) в свержении цинского режима не стоит преувеличивать, они безусловно сыграли активную роль в создании единого антицинского фронта [3; 6].

Антицинская оппозиция была неоднородной. Наряду с радикалами-националистами возникло либерально-конституционное течение, выступавшее за создание конституционной монархии и изменение ситуации мирными средствами. Сторонников этого направления пугала возможность наступления «смуты», то есть политического хаоса и анархии. В 1909–1911 гг. либеральные шэньши-конституционалисты организовали четыре петиционные кампании с требованием созыва парламента [10]. Усиление давления со стороны Цинов на местные власти привело к объединению провинциальной бюрократии с антицинской оппозицией, что создало единый фронт китайцев против маньчжуртов.

Создание маньчжурского Кабинета министров и Хугуанский кризис показали невозможность мирного раздела власти. Лишь силовое устранение маньчжурских правителей оставалось реальным вариантом. Ключевую роль в этом процессе сыграли части «новой армии» и Бэйянский генералитет во главе с Юань Шикаем. По заключению О. Е. Непомнина, династия Цин не могла противостоять объединенному фронту китайцев — армии, бюрократии и оппозиции [4, с. 104; 11, с. 558]. Под давлением вооруженной периферии на центральную власть цинская монархия была свергнута. Свержение произошло без кровавой расправы: шестилетнего императора отставили от власти, сохранили за ним титул, дворцы и государственное содержание. Республика была воспринята новой элитой положительно, так как ослабляла вертикаль

власти, что шло на пользу региональным анклавам [4; 11].

По мнению японского историка Юцзо Мицзогучи, этот успех стал возможен лишь после политической и моральной измены Цинам со стороны Юань Шикая и упорства Сунь Ятсена, готового покончить с монархией любой ценой, не учитывая возможные негативные последствия передачи власти тому же Юань Шикаю.

Юань Шикай, безусловно, принадлежит к числу крупных политических фигур новой истории Китая. Его фигура была репрезентативной и неоднозначной. Он был крупным военно-политическим сановником, вышедшим из структуры цинского монархического режима и сыгравшим важную роль в его свержении. В период Синьхайской революции именно Юань Шикай являлся самой влиятельной политической силой. Его негативную оценку, долгое время характерную для отечественной историографии (см., например, [3; 6]), нельзя считать полностью правомерной и объективной. Юань Шикай был типичным представителем своей эпохи и социального круга, типичным националистом консервативно-традиционистского толка. Можно предположить, что его попытки утвердить авторитарно-диктаторский режим и даже возродить монархию можно рассматривать как стремление сформировать единство страны, предотвратить «хаос» и наладить «порядок». Однако история, включая китайскую, показывает, что любое насилие, в том числе революционное, ведет к тоталитаризму, авторитаризму и диктатуре. Тем не менее бесспорно, что Юань Шикай стремился видеть Китай сильной державой и не был чьей-либо марионеткой. В последнее время негативный подход к его фигуре начал пересматриваться и в китайской историографии [8, с. 117].

Попытки возродить монархический режим в Китае, даже в парадно-демонстрационной форме (схожей с возрожденной японской монархией периода Мэйдзи или с монархическими структурами ряда стран Западной Европы), заканчивались провалом. Китайская монархия означала бы диктатуру и прекращение милитаристской «вольницы», чего не могли допустить региональные военные анклавы. Возрождение и ликвидация монархического режима на части территории Китая (Северо-Восток) происходили с помощью внешнего силового воздействия — сначала со стороны Японии, затем со стороны СССР.

Отмирание монархических структур в китайской политике продолжалось вплоть до 1945 г., а их влияние в республиканскую эпоху находило отражение, например, в бонапартистских замашках Чан Кайши или авторитарном правлении

Мао Цзэдуна. Современное китайское историческое сознание сохраняет образы прошлого, включая сюжеты о величии имперско-монархических образований старого Китая. Традиции, заложенные в период существования китайских монархических систем, проявляются и в реалиях современного Китая. Государственные службы КНР, Тайваня (как части Китая), а также некоторых стран Восточной и Юго-Восточной Азии являются прямыми наследниками политической культуры имперской эпохи (221 г. до н.э. — 1911–1912 гг.).

Свержение цинской монархии и переход к республиканской форме правления стали важнейшими этапами в интеграции Китая в современный мир. События 1911–1912 гг. были сложными, противоречивыми и неоднозначными: с одной стороны, они возродили деструктивные тенденции в политике (распад государства, гражданские войны, противоборство милитаристских клик), с другой — способствовали серьезному движению Китая в сторону вестернизации и модернизации огромной страны. Этот процесс продолжается и поныне.

Размышляя о судьбах современного Китая на основе анализа Синьхайских событий, можно надеяться, что страна исчерпала свое время революций, которые, как показывает история, ведут к многочисленным жертвам и катастрофическим последствиям.

В 1970–1980-е годы историки активно обсуждали характер и итоги Синьхайской революции. Одни трактовали события как буржуазную революцию [6, с. 526], другие — как буржуазно-демократическую, а третьи — как переворот 1911–1912 гг., завершивший очередной династийный цикл [1, с. 480]. Существовало мнение, что свержение маньчжурского господства «не стало буржуазной революцией» [1, с. 490].

Обсуждался также вопрос о том, являлось ли провозглашение республиканской формы правления «забеганием вперед», как иногда утверждается в историографии [4, с. 129]. С одной стороны, с падением династии Цин формально обновился лишь верхний уровень деспотической власти. С другой стороны, такой подход отражает элементы евроцентризма и не учитывает специфики китайской истории. Свержение монархии стало реакцией региональных военно-бюрократических верхов на чрезмерную централизацию власти и воспринималось как победа национальной революции над инородцами — маньчжурскими «варварами».

Попытки возродить монархический режим в Китае, даже в парадно-демонстрационной форме (сходной с японской монархией периода Мэйдзи или монархическими структурами ряда стран Западной Европы), заканчивались

неудачей. Китайская монархия означала бы установление диктатуры и прекращение автономии региональных военных анклавов, чего последние допустить не могли. Возрождение и последующее устранение монархического режима на части территории Китая (Северо-Восток) происходило при внешнем силовом вмешательстве — сначала со стороны Японии, затем СССР.

Отмирание монархических структур в китайской политике продолжалось до 1945 г., но их влияние сохранялось и в республиканскую эпоху, проявляясь, например, в бонапартистских замашках Чан Кайши или авторитарном управлении Мао Цзэдуна. Современное китайское историческое сознание продолжает сохранять образы прошлого, включая величие имперско-монархических образований старого Китая. Традиции, заложенные в период существования монархических систем, находят отражение и в современных реалиях Китая. Государственные службы КНР, Тайваня (как части Китая), а также некоторых стран Восточной и Юго-Восточной Азии являются прямыми наследниками политической культуры имперской эпохи (221 г. до н.э. — 1911—1912 гг.).

Свержение цинской монархии и переход к республиканской форме правления стали важнейшими этапами интеграции Китая в современный мир. События 1911—1912 гг. были сложными, противоречивыми и неоднозначными: с одной стороны, они возродили деструктивные тенденции в политике (распад государства, гражданские войны, противоборство милитаристских клик), с другой — способствовали движению Китая к вестернизации и модернизации страны. Этот процесс продолжается и поныне.

Размышляя о судьбах современного Китая в контексте Синьхайских событий, можно надеяться, что страна исчерпала время революций, которые, как показывает история, сопровождаются многочисленными жертвами и катастрофическими последствиями.

Список использованной литературы

1. Круглов В.В., Сергеева А.А. Китай: история и современность. М.: Изд-во МГИМО, 2015.
2. Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток (Oriens). 2012. № 3.
3. История Китая с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1974.
4. Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М.: Наука, 2011.

5. Лю Чжан. Китай. Полная история от древности до наших дней. М.: АСТ, 2024
6. Меликsetov A.B. История Китая. М.: Наука, 2002.
7. Переломов Л.С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М.: Изд-во, 2009.
8. Стабурова Е.Ю. Изучение Синьхайской революции в Ухане в контексте современного Китая // Общество и государство в Китае. XLII научная конференция. Т. 2. М., 2012.
9. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М.: Изд-во, 1985.
10. Чудодеев Ю.В. Накануне революции 1911 г. в Китае. Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М.: Изд-во, 1966.
11. Непомнин О.Е. История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Наука, 2005.